

MPHTI: 11.25.15

<https://doi.org/10.26577/IRILJ.2023.v101.i1.04>**Н.Б. Демеуов*** , **А.М. Есдаулетова** , **А.Е. Аяпбекова**

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

*e-mail: nurzhan.demeuov.98@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ КАЗАХСТАНА

Инициатива Китая «Один пояс, один путь» (ОПОП) вызывает у международного сообщества неоднозначное отношение. С одной стороны, Пекин, в соответствии с этой политической платформой, планирует инвестировать в ОПОП от 1 до 8 трл. долл. США. Основными получателями этих инвестиций транспортная инфраструктура и промышленный сектор Трансевразийских и Индо-Тихоокеанских стран. За последние 3 года к этой инициативе присоединились и страны Ближнего Востока. С другой стороны, широко распространено мнение, что такой огромный объем инвестиций неизбежно вызовет значительные геостратегические последствия в этих регионах.

В соответствии с вышеизложенным, в данной статье предпринята попытка ответить на следующий вопрос: какое влияние может оказать ОПОП на связи в сфере безопасности между Китаем и другими крупными игроками в Индо-Тихоокеанском регионе? Какое влияние окажет инициатива Китая на положение Казахстана среди этих игроков? В статье также предлагается новый аналитический подход к изучению геоэкономики, который раскрывает роль экономической деятельности и процессов в порождении геополитических намерений и катализе геополитической конкуренции.

В основе ОПОП лежит создание Трансевразийского транспортного маршрута пролегающего от Китая через Казахстан-Россию до Западной Европы. Это вызывает большой интерес со стороны Казахстана, так как в случае реализации инициативы будет не только модернизирован казахстанский участок пути, но и увеличены транзитные поступления, что в свою очередь, придаст динамический импульс развития всем прилегающим областям Казахстана. Что в условиях экономического спада после пандемии COVID-19 весьма актуально.

Вместо традиционного подхода, рассматривающего методологию исследования международных отношений как средство достижения ранее существовавшей геополитической цели, в статье предлагается новый аналитический ракурс изучения геоэкономики, раскрывающий роль экономической деятельности и процессов в формировании геополитических намерений. и в стимулировании геополитической конкуренции.

Полагаем, что влияние ОПОП будет более заметным в области геополитики, чем в области управления глобальным развитием.

Несмотря на военный конфликт в России и пандемию COVID-19, которые внесли элемент неопределенности в трансграничную торговлю, транспортный маршрут пролегающий от Китая через Казахстан-Россию до Западной Европы остается устойчивым и эффективным дополнением к морским перевозкам.

Маршрут Китай – Западная Европа на текущий момент является основным вариантом для международной торговли, учитывая конкурентное преимущество железной дороги.

В статье утверждается, что весьма вероятно, что ОПОП и связанные с ним предлагаемые изменения в политике международной безопасности Китая приведут к дальнейшему обострению геополитического соперничества между Китаем и другими крупными державами в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Теория международных отношений, Восточная Азия и Тихоокеанский конфликт, безопасность и оборона, инвестиции, политическая экономия и экономика.

Н.Б. Демеуов, А.М. Есдаулетова, А.Е. Аяпбекова

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.

*e-mail: nurzhan.demeuov.98@bk.ru

«Бір белдеу, Бір жол» бастамасының Қазақстанның инвестициялық климатына әсері

Қытайдың «Бір белдеу, бір жол» (ББЖ) бастамасы халықаралық қауымдастықтың екіұшты көзқарасын тудырады. Бір жағынан, Бейжің осы саяси платформаға сәйкес ББЖ-қа 1-ден 8 трлн долларға дейін инвестиция салуды жоспарлап отыр. АҚШ. Бұл инвестициялардың негізгі

алушысы Трансевразиялық және Үнді-Тынық мұхиты елдерінің көлік инфрақұрылымы және өнеркәсіптік секторы болып табылады. Соңғы 3 жылда бұл бастамаға Таяу Шығыс елдері де қосылды. Екінші жағынан, инвестициялардың мұндай үлкен көлемі сөзсіз осы аймақтарда айтарлықтай геостратегиялық салдарға әкеледі деген пікір кең таралған.

Жоғарыда айтылғандарға сәйкес, осы мақалада келесі сұраққа жауап беруге әрекет жасалды: БББЖ Қытай мен Үнді-Тынық мұхиты аймағындағы басқа да ірі ойыншылар арасындағы қауіпсіздік байланыстарына қандай әсер етуі мүмкін? Қытайдың бастамасы осы ойыншылардың арасындағы Қазақстанның жағдайына қандай әсер етеді? Мақалада сонымен қатар геосаяси ниеттерді қалыптастырудағы және геосаяси бәсекелестікті катализдеудегі Экономикалық қызмет пен процестердің рөлін ашатын геэкономиканы зерттеуге жаңа аналитикалық тәсіл ұсынылады.

БББЖ-ның негізінде Қытайдан-Қазақстан-Ресей арқылы Батыс Еуропаға дейінгі Трансевразиялық көлік бағытын құру жатыр. Бұл Қазақстан тарапынан үлкен қызығушылық тудырады, өйткені бастаманы іске асырған жағдайда жолдың қазақстандық учаскесі жаңғыртылып қана қоймай, транзиттік түсімдер де ұлғаяды, бұл өз кезегінде Қазақстанның барлық іргелес облыстарына дамуға серпінді серпін береді. COVID-19 пандемиясынан кейінгі экономикалық құлдырау жағдайында бұл өте өзекті.

Халықаралық қатынастарды зерттеу әдістемесін бұрыннан бар геосаяси мақсатқа жету құралы ретінде қарастыратын дәстүрлі тәсілдің орнына мақалада геосаяси ниеттерді қалыптастырудағы экономикалық қызмет пен процестердің рөлін ашатын геэкономиканы зерттеудің жаңа аналитикалық бұрышы ұсынылады. және геосаяси бәсекелестікті ынталандыруда.

БББЖ әсері жаһандық дамуды басқарудан гөрі геосаяси саласында көбірек байқалады деп сенеміз.

Траншекаралық саудаға белгісіздік элементін енгізген Ресейдегі әскери қақтығыстар мен COVID-19 пандемиясына қарамастан, Қытайдан-Қазақстан-Ресей арқылы Батыс Еуропаға дейінгі көлік бағыты теңіз тасымалына тұрақты және тиімді қосымша болып қала береді.

Қытай-Батыс Еуропа бағыты қазіргі уақытта теміржолдың бәсекелестік артықшылығын ескере отырып, халықаралық сауданың негізгі нұсқасы болып табылады.

Мақалада БББЖ және Қытайдың халықаралық қауіпсіздік саясатындағы соған байланысты ұсынылған өзгерістер Қытай мен Үнді-Тынық мұхиты аймағындағы басқа да ірі державалар арасындағы геосаяси бәсекелестіктің одан әрі шиеленісуіне әкелуі мүмкін екендігі айтылған.

Түйін сөздер: Халықаралық қатынастар теориясы, Шығыс Азия және Тынық мұхиты қақтығысы, қауіпсіздік және қорғаныс, Инвестициялар, Саяси экономика және экономика.

N.B. Demeuov, A.M. Yesdauletova, A.E. Ayapbekova
Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Kazakhstan, Astana
*e-mail: nurzhan.demeuov.98@bk.ru

The Impact of the «One Belt, One Road» Initiative on the Investment Climate of Kazakhstan

The relevance of the research topic depends on the growing scientific interest in structural changes in the economy, politics, and diplomacy of modern China. They began in the late 1970s, and in 1982 the Chinese government developed the concept of a «New China» (hereinafter the Concept) in a multipolar world, in conditions of large-scale socio-economic transformations.

The position of modern China is based on the principle of peaceful coexistence with all countries. Today, according to the Concept, China confidently asserts world leadership thanks to the country's new foreign policy. Preserving the originality of traditional foreign policy, Chinese leaders skillfully established relations with all countries in the conditions of a new «multipolar world», consistently and steadfastly defending national interests.

Thanks to thoughtful socio-economic reforms, consistent foreign policy and «flexible» diplomacy, China today is one of the world's leading leaders, and its foreign policy experience is very important for studying and borrowing when carrying out structural changes.

At the end of the 20th century, the global financial system was experiencing the consequences of the global crisis. It was clear that the international community needed to find new ways of interaction and propose new mechanisms for global development. The world needs a different order that would meet all modern requirements. China took on the role of leader, offering in 2013 its vision of building the world economy through the implementation of China's «One Belt, One Road» initiative. An ambitious project that, if successfully implemented, will lead China to the role of a world leader.

The essence of the main geopolitical concept of the modern world order of the OBOR is the formation of new models of peaceful cooperation and development between peoples in conditions of global interdependence.

As part of the initiative, Chinese leaders proposed international cooperation in five main areas: political coordination, infrastructure connectivity, uninterrupted trade, free movement of capital and the formation of spiritual closeness between people. China's initiative is aimed at creating conditions for sustainable economic growth, as infrastructure development and access to new markets will create new jobs and additional demand for Chinese products on the world market. OBOR participants will receive significant investments, gain access to more developed markets and integrate more deeply into the global economy. In the process of promoting the initiative, Chinese diplomacy has achieved remarkable results, skillfully using various mechanisms and tools on various platforms and in various forms. During the period under review, China's unique experience in promoting its national interests aroused the broadest scientific and practical interest among researchers and implemented research topics.

The purpose of the study is to determine the role of OBOR in the rise of China and its impact on the economy of Kazakhstan.

In order to achieve this goal, it is necessary to investigate the mechanism and structure of investment policy, as well as Chinese diplomacy to promote OBOR.

The study of China's use of diplomatic tools, mechanisms and development models is also interesting for Kazakhstan in achieving its goals to protect its interests in international relations.

Key words: Theory of international relations, East Asia and the Pacific conflict, security and defense, investment, political economy and economics.

Введение

Актуальность темы исследования зависит от растущего научного интереса к структурным изменениям в экономике, политике, дипломатии современного Китая. Они начались в конце 1970-х гг., а в 1982 г. китайское правительство разработало концепцию «Нового Китая» (далее Концепция) в условиях многополярного мира, в условиях широкомасштабных социально-экономических преобразований.

Позиция современного Китая основывается на принципе миролюбия сосуществования со всеми странами. Сегодня Китай, согласно Концепции, уверенно утверждает мировое лидерство благодаря новому внешнеполитическому курсу страны. Сохраняя своеобразие традиционной внешней политики, китайские руководители умело налаживали отношения со всеми странами в условиях нового «многополярного мира», последовательно и стойко отстаивая национальные интересы.

Благодаря продуманным социально-экономическим реформам, последовательной внешней политике и «гибкой» дипломатии Китай сегодня является одним из ведущих мировых лидеров, а его огромный внешнеполитический опыт очень важен для изучения и заимствования при проведении структурных изменений.

В конце 20 века мировая финансовая система испытывала последствия мирового кризиса. Было понятно, что Международному сообществу необходимо найти новые способы взаимодействия, предложить новые механизмы мирового развития. Необходим новый мировой

порядок, построенный на многополярности. Роль лидера взял на себя Китай, предложив в 2013 году свое видение построения мировой экономики через реализацию инициативы «Один пояс, один путь» (далее ОПОП). Амбициозный проект, который в случае успешной реализации выводит Китай на роль мирового лидера.

Суть основной геополитической концепции современного мироустройства ОПОП заключается в формировании новых моделей мирного сотрудничества и развития между народами в условиях глобальной взаимозависимости.

В рамках ОПОП китайские лидеры предложили международное сотрудничество по пяти основным направлениям: политическая координация, инфраструктурная связность, бесперебойная торговля, свободное движение капитала и формирование духовной близости между людьми. Суть ОПОП – формирование условий для устойчивого экономического роста, развитие инфраструктуры и выход на новые рынки, создание дополнительных рабочих мест и спрос на продукцию. Участники ОПОП получают значительные инвестиции, доступ к более развитым рынкам и интеграцию в мировую экономику. В процессе продвижения инициативы китайская дипломатия добилась замечательных результатов, умело используя различные механизмы и инструменты на различных платформах и в различных формах. В рассматриваемый период уникальный опыт Китая в продвижении своих национальных интересов вызвал широчайший научный и практический интерес у исследователей и реализованные темы исследований.

Цель исследования – определить роль ОПОП в подъеме Китая и ее влиянии на экономику Казахстана.

Для достижения поставленной цели необходимо исследовать механизм и структуру инвестиционной политики, а также китайскую дипломатию для продвижения ОПОП.

Изучение использования Китаем дипломатических инструментов, механизмов и моделей развития интересен для Казахстана при достижении своих целей по защите национальных интересов в международных отношениях.

Материалы и методы

В ходе исследования были изучены разнообразные источники, которые по своему типу можно разделить на юридические, канцелярские, новостные и статистические.

К первой категории источников относятся документы нормативного характера. Эти материалы включают «Конституцию Китайской Народной Республики», документы Национальной комиссии развития и реформ, документы Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики и Министерства торговли Китайской Народной Республики о «Великой Перспективы» о совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути и практических действий Морского Шелкового пути в XXI веке, Книга по строительству пояса и пути (2017 г.), Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь», Инициатива «Пояс и путь», международные соглашения, российско-китайское соглашение о сотрудничестве в рамках пояса и пути, Евразийский экономический союз и инициатива «Один пояс и один путь», Китайское соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве.

Литературные источники включают государственные документы КПК, Конституцию КПК, Постановления ЦК КПК от 2013 г. по вопросам, касающимся всестороннего углубления реформ, включая инициативу «Один пояс, один путь» и т. д.

В работе также использованы статистические данные: «Статистический бюллетень экономического и социального развития Китая за 2015 год», статистика Министерства торговли Китайской Народной Республики, годовые отчеты, отчеты о ходе реализации проектов, статистика Китайской нефтяной и химической

промышленности. А, также материалы выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина, Премьер-Министра Ли Кэцян, Министра иностранных дел Китая Ван И, Президента Казахстана Токаева по проекту «Экономический пояс Шелкового пути». Таким образом, информационная база данного исследования является достаточно репрезентативной, что позволило авторам проводить комплексный и всесторонний анализ.

Благодаря системному подходу инициатива «Один пояс, один путь» представляет сегодня единый глобальный внешнеполитический проект. С помощью сравнительно-исторического подхода выявляются общие и отличительные черты региональных проектов инициативы «Один пояс, один путь». Также используется междисциплинарный подход, позволяющий объективно интерпретировать различные типы данных и анализировать содержащиеся в данных политические и экономические материалы. Принцип объективности позволяет анализировать исторические факты с позиций объективных закономерностей. Принцип достоверности предполагает опору на факты, что дает возможность авторам всесторонне изучить положительные и отрицательные стороны каждого явления. В работе также применяются общенаучные и специально-исторические методы исследования. В общенаучных методах исследования автор использует анализ, синтез, индукцию и дедукцию. В специально-исторических методах исследования используются метод исторического описания, метод исторического возникновения и метод интерпретации.

Обзор литературы

ОПОП представляет собой, пожалуй, самую амбициозную геоэкономическую политику, которую когда-либо предлагал Китай. Ключевой вопрос заключается в следующем: как ОПОП повлияет на геополитическую стратегию Пекина и стратегический ландшафт в Индо-Тихоокеанском регионе и на Евразийском континенте?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам сначала нужно разобраться в некоторых теоретических связях между геоэкономикой и геополитикой – к сожалению, малоизученной областью международной политики. Основная литература по геоэкономике предлагает линейную причинно-следственную связь между мегаэкономической

политикой и геостратегическими разногласиями. Эту однонаправленную причинно-следственную связь можно увидеть в теоретических подходах ведущих ученых по этому вопросу с 1960-х по 1980-е годы, многие из которых, такие как Johan Galtung, Klaus E. Knorr, Margaret P. Doxey и Richard Porter, пытались исследовать использование и эффективность экономического принуждения для изменения поведения целевых государств (Galtung J. 1967:380; Knorr K. 1977:110; Doxey 1972: 541; Porter R. 1978: 97). Позже David Baldwin утверждал, что экономическое управление государством представляет собой нечто большее, чем принуждение, утверждая, что экономический инструмент – это лишь один из многих методов, которые государство может использовать для достижения широкого круга целей, не ограничиваясь изменением политического поведения целевого государства (Baldwin D. 1998: 192). В своей классической книге «Экономическое управление государством» Baldwin заявил, что «экономические санкции могут иметь дипломатические, психологические, политические, военные или другие последствия, даже если их экономический эффект нулевой» (Baldwin D. 2020). Заглянув за пределы санкций, Albert O. Hirschman в своей книге «Национальная власть и структура внешней торговли» утверждали, что асимметричные экономические отношения могут стимулировать различные сектора, регионы и фирмы в экономически более слабом государстве играть более важную роль в формировании определения национального интереса таким образом, чтобы это было выгодно экономически более сильному государству (Hirschman A. 1980: 125). И наоборот, государства могут также положительно использовать экономические инструменты, а также применять принуждение и давление.

Большинство существующих исследований по экономическому управлению государством и геоэкономике разделяют три предположения:

1) государства имеют четко определенные геополитические цели при использовании инструментов экономической политики;

2) у государств есть геополитические цели, которые либо остаются постоянными, либо меняются под влиянием уравнивающих стратегий других крупных игроков; и

3) геополитическая игра, вытекающая из геоэкономической деятельности, всегда будет с нулевой суммой.

Результаты и обсуждение

Эта статья ставит под сомнение эти три общепринятых предположения в отношении геоэкономики и геополитики в контексте ОПОП. Во-первых, ОПОП, по крайней мере на начальном этапе, в основном руководствовался экономическими соображениями, связанными с избыточными внутренними промышленными мощностями. У китайских лиц, принимающих решения, были некоторые расплывчатые стратегические цели, но они не сводились к конкретным геополитическим целям и целям политики безопасности для ОПОП. Во-вторых, построение и процесс реализации ОПОП побудили китайские политические круги выступить с новой геостратегической перспективой и различными новыми политиками и целями в области безопасности (Pu X. 2018: 1021). В-третьих, Пекин заявил, что ОПОП является инклюзивной экономической инициативой, и призвал другие крупные державы сотрудничать с Китаем под эгидой ОПОП. Некоторые недавние признаки – например, заявленная Японией заинтересованность в сотрудничестве с Китаем в рамках ОПОП – предполагают, что у других крупных держав действительно есть политическое пространство для участия в этой инициативе (Suzuki S. 2018:722). Расширение международного сотрудничества в рамках ОПОП может снизить геополитическую тревогу Пекина по поводу безопасности полученных инвестиций, что, в свою очередь, могло бы смягчить геостратегическое соперничество, порожденное этой инициативой. По сути, это предполагает, что в данном случае геоэкономика сама по себе не может привести к геополитической конкуренции с нулевой суммой.

Более точная оценка геостратегических намерений Китая при запуске ОПОП и его возможных геополитических последствий требует более глубокого понимания мотивов соответствующих процессов принятия решений. Вообще говоря, его основные причины являются как экономическими, так и стратегическими. После запуска инициативы мировое сообщество рассматривало ее исключительно с геополитической точки зрения. Эта точка зрения, возможно, должна быть сбалансирована взглядами через различные экономические призмы.

На Центральной экономической рабочей конференции в декабре 2012 года новый лидер Китая Си Цзиньпин указал, что решение проб-

лемы избыточных мощностей должно быть в центре внимания партийно-государственной работы. В последующие месяцы, в апреле, июле и сентябре 2013 года, он неоднократно подчеркивал необходимость корректировки производственной структуры, чтобы смягчить кризис избыточных производственных мощностей.

По словам китайских экспертов, присутствовавших на внутренних встречах с государственными ведомствами, на начальном этапе ОПОП преобладали экономические соображения. Многие заседания по обсуждению политики были сосредоточены на выработке решения проблемы избыточных промышленных мощностей. Китайское политическое сообщество понимало, что финансирование дополнительных инфраструктурных проектов в других странах будет единственным способом решить проблему избыточных мощностей, поскольку не ожидается значительного роста внутреннего потребления, особенно в области инфраструктуры. Китайские исследователи политики отметили, что Пекин не может публично подчеркивать, что ОПОП был разработан для решения его внутренних экономических проблем, потому что это подорвало бы его официальную пропаганду с ее постоянным упором на взаимовыгодное сотрудничество и щедрость Пекина в предоставлении международных общественных благ (Li M. 2020:172).

В более широком контексте китайская экономическая и финансовая экспансия по всему миру широко рассматривалась как неизбежное следствие экономического развития Китая за последние четыре десятилетия (Summers T. 2016:1635). Кроме того, накопление внушительного объема капитала благодаря высоким нормам сбережений внутри страны и накоплению резервов иностранной валюты, рост внутренней стоимости рабочей силы и повышение экологических стандартов для производственного сектора – все это ускорило перемещение значительной доли китайских экономических и финансовых ресурсов за границу.

Особо следует отметить связь между ОПОП и стратегией «западного развития». Эта политика побуждала провинции в приграничных регионах укреплять трансграничную торговлю и инвестиции, «открываясь» для соседних стран. В результате почти все провинции в приграничных регионах приняли активное участие в трансграничных социально-экономических проектах и связях инфраструктуры. Например, очень успешными оказались экономические связи

Юньнани и Гуанси со странами Юго-Восточной Азии и взаимодействие Синьцзяна с государствами Центральной Азии. Эти трансграничные экономические обязательства включали в себя широкий спектр мероприятий, очень похожих на те, которые предусмотрены планом ОПОП. Таким образом, можно утверждать, что деятельность и усилия этих приграничных провинций, почти полностью мотивированные преследованием местных экономических интересов, способствовали возникновению ОПОП (Li M. 2019:286).

Анализ, представленный выше, показывает, что концепция ОПОП возникла из сочетания подлинных экономических соображений и неясных геополитических амбиций. Расширение влияния Китая и повышение статуса Пекина в международном сообществе часто называют основными политическими целями ОПОП. Помимо этого, трудно определить, какие другие конкретные геостратегические цели Китай стремился достичь с помощью ОПОП во время его запуска. Возможно, поэтому многие аналитики просто подчеркивают «потенциальные» огромные геополитические преимущества ОПОП для Китая (Wang Y. 2016: 458). Jones, Zeng и Nameiri, например, утверждают: «ОПОП – это не последовательный геополитический план, а совокупность многих конкурирующих интересов и схем, разработанных, прежде всего, для поглощения избыточных промышленных мощностей и капитала Китая. Он будет разворачиваться не в соответствии с каким-то грандиозным стратегическим генеральным планом, разработанным в Пекине, а в соответствии с часто конкурирующими и непоследовательными интересами китайских провинций, государственных/частных предприятий, политических и коммерческих банков и государств-получателей. Существующие анализы сильно преувеличивают способность Пекина координировать действия этих факторов для достижения единой стратегической цели» (Jones L. 2017:456).

Учитывая масштаб инициативы и решимость Пекина протолкнуть ее, ОПОП, вероятно, существенно изменит геостратегическую ориентацию Китая. На макроуровне влияние ОПОП на международную стратегию Китая можно понять с точки зрения растущей приверженности Пекина защите своих интересов в области развития, которые рассматриваются как часть основных национальных интересов Китая.

Очевидно, что ОПОП стал одним из наиболее важных элементов в преследовании Китаем своих интересов в области развития, что представляет собой всеобъемлющую политическую рубрику, в соответствии с которой китайские лидеры стремятся сформулировать эффективную геополитическую стратегию и политику безопасности с целью защиты инвестиций и проектов ОПОП. Проблемы безопасности, связанные с ОПОП, связанные с финансами, культурой, приграничными территориями.

Некоторые исследователи утверждают, что Китаю необходимо будет сосредоточиться на завоевании умов и сердец людей в принимающих странах, чтобы лучше защитить свои инвестиции в энергетические трубопроводы (Li C. 2016:77). Это последнее предложение имеет смысл, поскольку низкие показатели корпоративной социальной ответственности многих китайских предприятий, инвестирующих в зарубежные страны, вызвали негативную реакцию общества в принимающих странах. Судя по всему, этот подход «мягкой силы» был принят Пекином: Си Цзиньпин заявил на саммите ОПОП в 2019 г., что Китай будет уделять больше внимания качеству и устойчивости проектов ОПОП.

Приведенный выше анализ ясно показывает, что ОПОП значительно расширил интересы безопасности Китая в Азии и за ее пределами. Это также побудило китайское политическое сообщество исследовать и выявить существенные изменения в политике международной безопасности страны. Благодаря инициативе ОПОП в ближайшее десятилетие можно ожидать несколько новых политик: более тесные отношения между военными между Китаем и многими странами ОПОП; более активная роль НОАК в различных региональных нетрадиционных мероприятиях по обеспечению безопасности; усиление присутствия НОАК в Индо-Тихоокеанском регионе; дополнительные китайские военные базы или логистические центры в районе Индийского океана; и немного более интервенционистская внешняя политика Китая в регионах ОПОП.

Основной дискурс в Китае подчеркивает взаимные консультации, взаимные усилия и взаимную выгоду, связанные с ОПОП, а также преимущества долгосрочного экономического развития для многих стран-участниц. Китайские лидеры, средства массовой информации и аналитики заявляют, что ОПОП представляет собой китайский проект по предоставлению

общественных международных благ и что это предложение возродит глобализацию. Официальные заявления Китая преуменьшают и даже отвергают неблагоприятные геополитические последствия, связанные с ОПОП.

Взгляды, выраженные другими крупными державами и многими лицами, формирующими общественное мнение на международном уровне, резко отличаются. Утверждается, что ОПОП является для Пекина средством продвижения собственной модели развития и, следовательно, подрыва надлежащего управления и прав человека 65 процентов населения мира и одной трети мирового экономического производства (Fontaine R. 2018). Другая критика заключается в том, что китайские инвестиции в инфраструктуру не удовлетворяют потребности принимающих стран, увеличивают потери из-за неправильного распределения ресурсов (Financial Times Editorial, 2017) и увеличивают долговое бремя принимающих стран (Dorsey J. 2018).

Помимо этих социально-экономических соображений, многие эксперты считают, что ОПОП – это в первую очередь геостратегический шаг Пекина, направленный на резкое расширение китайского регионального влияния (Kelton M. 2019:863). ОПОП был описан как «самая амбициозная и всеобъемлющая программа экономического развития в истории человечества» (Luft G. 2017:23). Также было сказано, что Китай участвует в «колониальной гонке» посредством «капитала» и «принуждения», чтобы обеспечить ресурсы для китайской экономики и получить права на военно-морские базы в Мьянме (Бирме), Пакистане, Шри-Ланке и на Сейшельских островах. район Индийского океана (Li M. 2020:181).

Риторика, масштаб и часто непрозрачный характер китайских экономических взаимодействий через ОПОП побудили многих внешнеполитических аналитиков, сообщения СМИ и правительственных чиновников охарактеризовать ОПОП как форму «дипломатии долговой ловушки», с помощью которой Пекин предлагает кредиты и инфраструктурные проекты с целью завоевания влияния за рубежом (Dupont A. 2020:13). Тем не менее, в случае Казахстана, самого важного партнера Китая в Центральной Азии, способность ОПОП формировать политические решения в стране остается ограниченной.

В отчете Tony Louthan утверждает, что китайско-казахстанское экономическое сотрудничество не смогло принести политических выгод,

необходимых Пекину для широкомасштабного влияния на Нур-Султан. Фактически, бывший президент Казахстана Нурсултан Назарбаев был проницателен в управлении внешними отношениями страны и использовал проекты и займы ОПОП для реализации своих собственных прерогатив внутреннего развития. Тем не менее, инициатива не полностью лишена потенциала влияния на Казахстан, поскольку она, вероятно, обеспечила дальнейшую легитимизацию ранее существовавшей авторитарной политической структуры Казахстана. Казахстан стал координационным центром стратегии Китая в Центральной Азии по развитию сухопутных торговых путей с Европой (Louthan A. 2022). Хотя Казахстан часто понимается как мост, соединяющий промышленное производство Китая с богатыми рынками Западной Европы, важность Казахстана для внешней политики Пекина обусловлена не только геостратегическим положением страны, но и обилием энергетических ресурсов наряду с его ролью регионального политического партнера и партнера в области безопасности (Kembayev Z. 2020:210).

Первоначально интересы Китая в Казахстане включали урегулирование затянувшихся пограничных споров. После полного дипломатического урегулирования пограничных споров в 1998 году значение Казахстана для Китая было определено с точки зрения его богатства минеральными и природными ресурсами, его способности содействовать политической и социальной стабильности в Центральной Азии и Синьцзяне, а также его позиции в качестве своего рода стороннего посредника между Китаем и Российской Федерацией. Не менее важным для нынешней внешней политики Китая является география Казахстана как государства, охватывающего большую часть евразийского континента. Благодаря своему расположению, основные экономические коридоры Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) ОПОП проходят через Казахстан. Обладая 12-м по величине запасом нефти в мире, Казахстан предоставляет Китаю важную возможность диверсифицировать свои энергетические потребности и уменьшить зависимость от нефтяных танкеров, проходящих через Малаккский пролив (Kembayev Z. 2020:212).

Действительно, ресурсы добывающих отраслей Казахстана составляют большую часть его экспорта в Китай, составляя более 90 процентов от общего объема экспорта. Главным

из них является экспорт казахстанского газа и сырой нефти в Китай, на долю которого в 2019 году пришлось 2,35 миллиарда долларов, что составляет более трети от общего объема экспорта страны в Китай (ОЕС, 2020). Газо-и нефтепроводы физически соединяют Китай с Казахстаном и Центральной Азией в более широком смысле и обеспечивают Китай стабильным источником энергии. Богатые минеральные и нефтяные богатства страны и ее близость к Китаю делают ее важным источником природных ресурсов, способствующих экономическому росту Китая. В сфере безопасности интересы двух стран во многом совпадают. Казахстан имеет решающее значение для Китая из-за его протяженной границы с Синьцзяном и культурных связей с тюркскими меньшинствами Синьцзяна.

Некоторые ученые говорят о том, что Казахстан предполагает «отношения должника» с Китаем, это вряд ли имеет место при изучении макроэкономических связей Казахстана с Китаем (Markey D. 2020:17). Прежде всего, повествование о «дипломатии долговой ловушки» предполагает, что страна обременяет себя непропорционально высоким уровнем долга и что страна должна полагаться на Пекин в своих финансовых потребностях. Хотя китайские кредиты были важны для проектов развития Казахстана, это далеко не самый крупный источник кредитования в Казахстане.

Согласно данным, опубликованным Национальным банком Казахстана в начале 2021 года, Казахстан задолжал Китаю чуть более 10 миллиардов долларов, что составляет всего 6,2 процента от общего внешнего долга Казахстана. Чтобы представить эти цифры в перспективе, Казахстан задолжал больше денег Франции, Нидерландам, Соединенному Королевству, Соединенным Штатам и многосторонним кредиторам, причем только на Нидерланды приходится более четверти внешнего долга Казахстана. С момента объявления ОПОП в 2013 году долг перед Китаем фактически сократился на треть с 2014 года, когда долг Казахстана перед Китаем превысил 15,8 миллиарда долларов. Хотя китайские займы могут оказывать влияние на Казахстан на макроуровне, его стабильное финансовое положение и снижающееся долговое бремя Китая ставят под сомнение аргумент о том, что Китай использовал или может использовать свои банковские займы для достижения политического влияния. Хотя экономическое взаимодействие Казахстана с Китаем

могло бы способствовать интересам Пекина, трудно утверждать, что китайские кредиты являются основным экономическим средством усиления его влияния. Что касается прямых иностранных инвестиций Китая (ПИИ) в Казахстан, то картина более неоднозначная. В пересчете на долларовые суммы китайские ПИИ сокращались и перетекали, достигнув максимума в 2,4 миллиарда долларов в 2012 году (до объявления ОПОП) и сократившись до 959 миллионов долларов к концу 2020 года. В то время как Китай является пропорционально более крупным игроком в казахстанских ПИИ, инвестиции из Нидерландов (крупнейший инвестор Казахстана), Соединенных Штатов и Швейцарии затмевают китайские инвестиции. В 2020 году Китай был лишь четвертым по величине инвестором Казахстана, поскольку китайские инвестиции упали до самого низкого уровня с 2015 года.

Наконец, наибольшее значение для отношений Китая с Казахстаном имеет тот факт, что сам успех ОПОП зависит от активного участия Казахстана. Два из шести основных экономических коридоров ОПОП – Новый Евразийский сухопутный мост и коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия – проходят через страну (Bitabaqova A. 2018:152). Хотя торговля Китая с регионом (включая все центральноазиатские республики) составляла менее одного процента от общего объема внешней торговли, Казахстан является географическим центром сухопутных торговых путей в Европу. Благодаря инвестициям в инфраструктуру и строительству крупнейшего в мире «сухого порта», железнодорожного депо и логистического центра, предназначенного для обработки китайских железнодорожных перевозок в приграничном городе Хоргос, Пекин связывает успех сухопутных маршрутов ОПОП с сотрудничеством Казахстана. Учитывая множество политических тревог, территориальных споров и экономической и военной напряженности в Индо-Тихоокеанский регион, эти ученые и другие утверждают, что поддержание политической стабильности и сердечных отношений с западными соседями Китая имеет решающее значение для положения Китая в мире. С точки зрения Казахстана, тесное взаимодействие с Китаем является самым ярким примером «многовекторной» дипломатии Нурсултана Назарбаева и свидетельством политической воли страны. Зажатый между двумя гораздо более крупными странами с империалистическим

наследием, желающими расширить свое политическое влияние по всему миру, Казахстан стремится защитить свой политический суверенитет посредством дипломатических усилий, которые уравнивают его политические, экономические интересы и интересы безопасности между Китаем, Россией, Европейским союзом (ЕС) и, в меньшей степени, США. Соединенные Штаты (Louthan A. 2022). Помимо того, что они в целом полагаются на Москву в вопросах безопасности и политических вопросах и надеются на экономическую поддержку Пекина, Казахстан реализует свой «многовекторный» подход, активно участвуя в целом ряде пересекающихся международных организаций, институтов и структур.

Возможно, было неизбежно, что другие крупные державы будут оценивать ОПОП с геополитической точки зрения, что ясно продемонстрировано заявлениями и действиями Соединенных Штатов и других стран, упомянутых выше. Эти крупные игроки всерьез обеспокоены геополитическими выгодами, которые Пекин может получить от ОПОП. Вполне логично полагать, что эти державы окажут гораздо более сильное стратегическое сопротивление, если Китай примет многие из стратегической политики и политики безопасности, предлагаемой в настоящее время его политическим сообществом.

Однако геополитическое соперничество можно было бы смягчить, если бы в ОПОП вошли другие крупные державы и он стал действительно многосторонней политической платформой. Можно быть осторожным оптимистом в отношении такого развития событий по трем причинам. Во-первых, китайские лидеры всегда заявляли, что ОПОП является всеохватывающей экономической инициативой, и, соответственно, продолжают поощрять крупные державы и другие страны к участию в этой масштабной программе. Во-вторых, Китай осознает, что ему не хватает ресурсов для самостоятельной реализации этой крупномасштабной инициативы в области инфраструктуры, инвестиций и подключения. В-третьих, мы наблюдаем положительные признаки растущего сотрудничества между Китаем и другими крупными державами в рамках ОПОП.

Заключение

Таким образом, ОПОП суждено оставаться ключевым приоритетом внешней полити-

ки и международной стратегии Китая. Нет сомнений, что это окажет большое влияние на международную политику и международную безопасность. Присоединяясь к продолжающимся дебатам по этому вопросу, в этой статье была предпринята попытка изучить стратегические последствия ОПОП в Центральноазиатском регионе.

Из анализа можно сделать несколько выводов. Во-первых, это показывает, что очевидная близость в китайско-казахстанских отношениях не была результатом ОПОП, а скорее связана с тем фактом, что интересы Нур-Султана совпадали с интересами Пекина задолго до создания инициативы. Действительно, решение Казахстана активно взаимодействовать с ОПОП также отражает его желание застраховаться от зависимости от России как политического и экономического партнера. Во-вторых, что касается экономического управления государством, то ОПОП удивительно коррелирует с падением стоимости двусторонней торговли, сокращением китайских прямых иностранных инвестиций и снижением задолженности Казахстана перед Китаем. Тенденции к снижению в этих событиях указывают на то, что потенциал Китая для реализации стратегии экономического управления государством ослаб, но ни в коем случае не исчез. Наконец, судя по принятию Казахстаном собственных экономических и внешнеполитических решений, страна не только смогла сохранить автономию в своих политических решениях, но и сформировала контуры ОПОП посредством своей собственной инициативы внутреннего развития «Нурлы жол». Нынешнее китайское влияние, вероятно, имеет меньше общего с преднамеренными стратегиями экономического управления государством через ОПОП и больше связано с тем, что оно является пассивным побочным продуктом экономической интеграции Казахстана с гораздо более крупным партнером. В то время как отчеты казахстанских официальных лиц о сотрудничестве в рамках ОПОП указывают на определенный уровень китайского влияния, также важно иметь в виду, что сотрудничество по проектам ОПОП, по крайней мере теоретически, отвечает экономическим интересам Казахстана. Хотя политические последствия ОПОП трудно измерить, тем не менее верно, что существуют значительные внешнеполитические, экономические и политические ограничения китайского влияния.

Что касается китайского влияния в Казахстане, дальнейшие исследования должны быть

направлены на то, чтобы определить, является ли перспектива роста, связанная с сотрудничеством ОПОП, а не текущее состояние отношений, движущей силой китайского влияния. Восприятие, вероятно, играет важную роль в принятии внешнеполитических решений. Понимание того, как казахстанские элиты относятся к Китаю, помогает пролить свет на то, как восприятие иностранной страны соотносится с ее влиянием. Более того, в данном исследовании в целом анализ опирается на данные макроуровня, общедоступную информацию и вторичные источники. Чтобы лучше понять конкретные механизмы, стимулирующие китайское влияние в Казахстане, интервью с политической и экономической элитой Казахстана и китайскими бизнесменами могли бы дополнительно проиллюстрировать, как лидеры двух стран согласовывают определенные проекты, и могли бы определить возможные пути китайского влияния. Наконец, следует помнить, что Казахстан является лишь одной страной, участвующей в ОПОП, и что тип сотрудничества и его последствия не следует легко экстраполировать на другие страны. Даже в пределах Центральной Азии экономическое сотрудничество Китая с другими республиками сильно различается (Jaborov S. 2018:36). Таким образом, хотя повествование о дипломатии «долговой ловушки» не совсем точно отражает влияние ОПОП в Казахстане, это не означает, что Китай воздерживается от реализации стратегий экономического управления государством в других странах.

Это исследование имеет некоторые теоретические последствия для области экономического государственного управления и геоэкономики. В то время как общепринятая мудрость предполагает, что государства часто используют экономические средства для достижения политических целей в своих отношениях с другими государствами, это исследование показывает, что многие геоэкономические схемы также побуждают государство-инициатор разрабатывать новые геостратегические интересы и цели. Эти новые интересы и цели затем трансформируют стратегию международной безопасности этого государства, что, в свою очередь, может создать совершенно новую динамику в его связях в области безопасности с другими странами. В этой статье предполагается, что было бы полезно уделить больше внимания этому новому аналитическому подходу в исследованиях взаимосвязи между геоэкономикой и безопасностью.

Список использованной литературы

- Baldwin D.A., Pape R.A. Evaluating economic sanctions. / D.A. Baldwin, R.A. Pape // *International Security*. – 1998. – 23(2). – pp. 189-198. URL: <https://muse.jhu.edu/article/446933> (accessed 15.08.2022).
- Baldwin D. Economic Statecraft ([edition unavailable]). / Baldwin D. // Princeton University Press. – 2020. URL: <https://www.perlego.com/book/1422502/economic-statecraft-new-edition-pdf> (accessed 20.08.2022).
- Bitabarova A. G. Unpacking Sino-Central Asian engagement along the new silk road: a case study of Kazakhstan. / A.G. Bitabarova // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2018.- 7(2). – pp.149-173. <https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1553226>
- Dorsey J.M. Shooting an Own Goal: China’s Belt and Road funding terms spark criticism. / J.M. Dorsey // *The Japan times*. – 2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/03/28/commentary/world-commentary/scoring-goal-chinas-belt-road-funding-terms-spark-criticism/#.WzyNLtUzbIU> (accessed 30.08.2022).
- Doxey M. International sanctions: a framework for analysis with special reference to the UN and Southern Africa. / M. Doxey // *International organization*- 1972. – 26(3).- pp. 527-550. <https://doi.org/10.1017/S002081830000299X>
- Dupont A. Mitigating the new Cold War: managing US-China trade, tech and geopolitical conflict / A. Dupont // *Centre for Independent Studies*. – 2020. URL: <https://www.cis.org.au/wp-content/uploads/2020/05/ap8.pdf> (accessed 02.09.2022).
- Financial Times Editorial. One Belt, One Road-and Many Questions. – 2017. URL: <https://www.ft.com/content/d5c54b8e-37d3-11e7-ac89-b01cc67cfeec> (accessed 30.08.2022).
- Fontaine R., Kliman D. On China’s New Silk Road, Democracy Pays a Toll. / R. Fontaine, D. Kliman // *Foreign Policy*. – 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/05/16/on-chinas-new-silk-road-democracy-pays-a-toll/> (accessed 30.08.2022).
- Galtung J. On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia. / J. Galtung // *World politics*. – 1967.- 19(3). – pp. 378-416. <https://doi.org/10.2307/2009785>
- Hirschman A.O. National power and the structure of foreign trade. / A.O. Hirschman // *Univ of California Press*. -1980. – Vol. 105. URL: <https://search.iczhiku.com/paper/H7Qag9PqK4TchuK4.pdf> (accessed 20.08.2022).
- Jaborov S. Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or «Predatory Lending»? / S. Jaborov // *China’s Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia*. – 2018.- PART II. – pp. 34-40. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed 10.09.2022).
- Jones L., Zeng J., Hameiri Sh. Evidence on China’s ‘Belt and Road’ Initiative, written evidence presented to the UK parliament. – 2017. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/foreign-affairs-committee/china-and-the-international-rulesbased-system/written/75536.pdf> (accessed 27.08.2022).
- Kelton M., Sullivan M., Bienvenue E., Rogers, Z. Australia, the utility of force and the society-centric battlespace. / M. Kelton, M. Sullivan, E. Bienvenue, Z. Rogers, // *International Affairs*. – 2019. – 95(4). – pp. 859-876. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz080>
- Kembayev Z. Development of China–Kazakhstan Cooperation: Building the Silk Road of the Twenty-First Century? / Z. Kembayev // *Problems of Post-Communism*. – 2020. – 67(3). – pp. 204-216. <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1545590>
- Knorr K. International economic leverage and its uses. / K. Knorr // *Economic issues and national security*. – 1977. – pp. 99-126.
- Li M. The Belt and Road Initiative: geo-economics and Indo-Pacific security competition. / M. Li // *International Affairs*. – (2020). -96(1), pp.169-187. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz240>
- Li M. China’s economic power in Asia: the belt and road initiative and the local Guangxi government’s role. / M. Li // *Asian Perspective*. – 2019. – 43(2).- pp.273-295. <https://doi.org/10.1353/apr.2019.0011>.
- Li C., Char J. China-Myanmar Relations since Naypyidaw’s Political Transition: How Beijing Can Balance Short-Term Interests and Long-Term Values. / C. Li, J. Char // *World Scientific. Myanmar*. – 2016. – Chapter 5. – pp. 63–104. https://doi.org/10.1142/9789814759915_0005
- Luft G. Silk Road 2.0: US Strategy toward China’s Belt and Road Initiative. / G. Luft // *Atlantic Council Strategy Paper* – 2017. – No. 11. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2017/10/US_Strategy_toward_Chinas_BRI_web_1003.pdf (accessed 02.09.2022).
- Louthan A. A ‘Bright Path’ Forward or a Grim Dead End? The Political Impact of the Belt and Road Initiative in Kazakhstan. / A. Louthan // *FPRI: Foreign Policy Research Institute*. – 2022. URL: <https://policycommons.net/artifacts/2177397/a-bright-path-forward-or-a-grim-dead-end-the-political-impact-of-the-belt-and-road-initiative-in-kazakhstan/2933374/> (accessed 02.08.2022).
- Markey D. China’s Western Horizon: Beijing and the new geopolitics of Eurasia. / Markey D. // *Oxford Academic*. – 2020.- pp. 1-38. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190680190.001.0001>
- Porter R. C. Economic sanctions: the theory and the evidence from Rhodesia. /R.C. Porter//*Journal of Peace Science*. – 1978.- 3(2). – pp. 93-110. <https://doi.org/10.1177/073889427800300201>
- Pu X., Wang C. Rethinking China’s rise: Chinese scholars debate strategic overstretch. / X. Pu, C. Wang // *International Affairs*. – 2018. – 94(5).- pp. 1019-1035. <https://doi.org/10.1093/ia/iyy140>
- Summers T. China’s ‘New Silk Roads’: sub-national regions and networks of global political economy. / T. Summers // *Third World Quarterly*. – 2016. – 37(9).- pp.1628-1643. <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1153415>
- Suzuki S., Wallace C. Explaining Japan’s response to geopolitical vulnerability. / Suzuki S., Wallace C. // *International Affairs*. – 2018.-94(4). – pp.711-734. <https://doi.org/10.1093/ia/iyy033>
- The Observatory of Economic Complexity (OEC). Data from Organization of Economic Complexity’s profile on Kazakhstan. URL: <https://oec.world/en/profile/country/kaz> (accessed 06.08.2022).
- Wang Y. Offensive for defensive: the belt and road initiative and China’s new grand strategy. /Y. Wang//*The Pacific Review*. – 2016.- 29(3).- pp.455-463. <https://doi.org/10.1080/09512748.2016.1154690>